

УДК 82.09:821.111(73)+159.922.75

*М.В. Володарская****МИФОГЕННОСТЬ ОБРАЗА РЕБЕНКА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
ОППОЗИЦИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ
М. ДОДЖ «ГАНС БРИНКЕР, ИЛИ СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ»)**

В статье рассматриваются особенности использования образа ребенка американской литературой для детей середины XIX века как средства мифологизации общественного сознания. Послевоенное переосмысление антитезы «свой–чужой» способствовало редуцированию ранее разработанного Н. Готорном мифа «добровольный пленник» до составляющей «счастливого брака», о чем свидетельствует наличие в повести М. Додж «Серебряные коньки» резонанса между судьбами девочки и прирученной птицы.

Ключевые слова: М. Додж, фольклор, миф, оппозиция «свой–чужой», сказка, ребенок, концепт.

Развитие национальной литературы США сопровождалось пульсацией и перекодировкой смыслов в концептуальной антитезе «свой–чужой». Категория «свой», утверждая право на собственный конкурентоспособный статус, формировала сложную систему отношений с «чужим»: от инерционного подражания европейским образцам до полной негации внешних влияний. Типичным примером абсолютизации «своего» стала так называемая «птичья дискуссия», инициированная в 1840-х годах усилиями В.К. Брайента, Г. Лонгфелло и др. и заключающаяся в запрете «жаворонкам» и «соловьям» доступа в американскую поэзию и прозу по причине несоответствия «местному колориту» [1, с. 11]. Логика воинственного писательского патриотизма направляла поиски истоков национального духа не только в глубины истории американского континента, но и в античность, что, как подчеркивает Т. Михед, было созвучно демократическим устремлениям молодой нации и усиливало библейское звучание создаваемой национальной литературы [2, с. 64].

Давая возможность избежать как британского диктата, так и культурной изоляции США, всеобщая «эллинизация христианства» (Т. Михед) не могла обойти литературу для детей. В 1851 году Н. Готорн публикует сборник, состоящий из 6 фольклорных обработок древнегреческих мифов под названием «Книга чудес» («Wonder Book»), который вследствие проекции истории покоренного Пегаса (рассказ «Рай детей») на судьбу центрального персонажа рамочных скетчей 12-летней реципиентки Примулы способствовал созданию новых мифов – «добровольный пленник» и «счастливого брака» [3]. Отражая сущность популярных в середине XIX века дискуссий о возможной степени свободы в обществе женщины и раба, новейшая мифология становилась важным орудием противодействия феминистическим и аболиционистским призывам, провоцирующим, по мнению Н. Готорна, раскол нации.

* © Володарская М.В., 2014

Володарская Маргарита Владимировна (rita1113@mail.ru), кафедра зарубежной литературы Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, 01601, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, 64/13.

Однако если в начале 1850-х годов триумф идеала еще казался возможным, то военные события корректируют процесс «вrostания» античной составляющей в фундамент «своего». Осознание приоритета античности как угрозы антирабовладельческим интенциям сочеталось с поисками стабилизирующего фактора, действенность которого непосредственно зависела от уровня образовательных программ [4, p. 34–35]. «Нам следует начать реформирование с истоков и внедрять идеалы прекрасного в книги... которые мы предлагаем нашим детям», – подчеркивает С. Осгуд (S. Osgood) [5, p. 724], позиционируя ориентированное на ребенка литературное творчество как государственный императив и способ усовершенствования американского общества. Достижение этой глобальной образовательной цели реализуется в контексте нового открытия Америкой Европы. Согласно У. Торпу, ослаблению «американского шовинизма» содействовали и собственные реалии военного времени, и судьба европейских революций, ставящая под сомнение идею безоговорочной победы демократии, и многочисленные свидетельства путешественников, которые, подобно Э. Бенедикту («Путешествие по Европе», 1860), стремились убедить современников в необходимости знакомства со Старым Светом для надлежащего развития национального характера [6, с. 386].

Так прежнее возвеличивание «своего» во второй половине 1860-х оказывается сбалансированным вниманием к «чужому», и повесть М. Додж «...Серебряные коньки» (1865) можно рассматривать как соответствующую новым стандартам литературы для детей уже благодаря ее высокому познавательному потенциалу. Нагромождение историко-географических фактов, легенд, зарисовок особенностей голландского быта создает загадочно-привлекательную, хотя и достаточно эклектическую картину «ино-го», подчиненную вместе с тем отчетливым закономерностям. Первичное разграничение «своего» – «чужого» на уровне фактажа (голландское обозначено эпитетами «странное», «уникальное») замещается сближением голландского и американского путем традиционного отталкивания от английского. При этом наличие эпизода негативного маркирования «чужого» жителями Голландии («I'm told they are mostly *savages* over there» [7, p. 336–337]) позволяет акцентировать положительность обратной трактовки: «If *we* Americans, who, after all, are *homoeopathic preparations of Holland stock* (курсив наш. – *M.B.*), can laugh at the Dutch (...) we can also feel proud, and say they have proved themselves heroes, and that their country will *not* float off while there is a Dutchman left to grapple it» [7, p. 34]. Индикатор сближения элементов этнической оппозиции в пространственном и духовном аспектах, метафора «*homoeopathic preparations of Holland stock*» / «гомеопатические препараты с голландского склада» переключает связь «американское–голландское» в режим типичной для послевоенного периода канонизации древнего и отторжения современности. Фраза «мы гордимся ими» в таком контексте имплицитно восхищение героическим прошлым своих предков, визуализированным, в частности, в образе маленького героя, сумевшего предупредить опасное для страны наводнение: «...that little boy represents the spirit of the whole country. Not a leak can show itself anywhere, either in its politics, honor, or public safety, that a million fingers are not ready to stop it, at any cost» [7, p. 161]. Характерно, что проекция поступка мальчика на всю нацию подана в виде реплики другого ребенка; посредством доминантной для повести М. Додж атмосферы детскости дальнейшее разворачивание концепта «свй–чужой» смещается в плоскость общечеловеческих ценностей. Детское пространство «...Серебряных коньков», напоминающее своим разнообразием и численностью аналогичное в романе Г. Бичер Стоу «Хижина дяди Тома» (младенцы и подростки, зажиточные и бедные девочки и мальчики, представители разных городов и национальностей), пронизано единым стержнем, к которому стянуты все другие мотивы, – историей брата и сестры, Ганса и Гретель.

Дуэт этих двух детей образует в тексте выразительную фольклорную линию. Достаточно даже беглого обзора сказочного фонда братьев Гримм, чтобы зафиксировать высокую частотность использования имени Ганс в ситуациях глуповатого, абсурдного, иногда хитрого, но преимущественно бескорыстного поведения персонажа (главным образом по контрасту с рассудительностью, прагматичностью его невесты Гретель) – «Смышленный Ганс», «Ганс в счастье», «Ганс женится», «Могучий Ганс» и др. [8]. Согласно версии немецких сказок, Ганс – беспечный оптимист, подобный Янки (происходит от голландского «Ян»), выразитель национального духа, но может быть и волшебным великаном с потенциалом к метаморфозе («Железный Ганс»). Амплитуда именных вариантов распространена от Иоганна до Гензеля. Антропоним «Гензель», вероятно, и предстает тем ключом, что позволяет интерпретировать название первой главы книги М. Додж («Hans and Gretel») как прямую аллюзию на сказку «Гензель и Гретель», базирующуюся на двух концептуальных позициях:

– бедность как исходная фаза дальнейшего роста и обогащения вследствие процедуры инициации;

– дихотомия «мужское–женское», «родители–дети», представленная в соответствии с патриархальным сценарием. Согласно В. Проппу, главенство злой мачехи над пассивным мужем в акте увода детей в лес является не нарушением нормы, а фольклорным условием инициации. Отрицание сказочником идеи родного человека как мотиватора изгнания обуславливает появление нового лица – мачехи, берущей на себя историческую миссию отца по враждебному отношению к детям [9, с. 84].

Естественно, внешние атрибуты сказки (изгнание брата и сестры, опасность волшебного леса, сожжение ведьмы) в разработанных на основе викторианских стандартов «...Серебряных коньках» отсутствуют. Однако, вrostая в текст, сказка начинает выстраивать его изнутри и постепенно разворачивается цепью базовых элементов: двоемирие, патриархальность, инициация, безусловность победы.

Патриархальное звучание текста закодировано в самом названии, точнее, в его оригинале, недоступном русскоязычному читателю. Перевод обычно ограничен второй частью – «Silver Skates», что может вызвать ошибочное представление про доминантную позицию в тексте Гретель как победительницы спортивных состязаний. Между тем оригинальная версия названия – «Hans Brinker, or the Silver Skates» – ориентирует читателя на дальнейший приоритет маскулинного начала.

Наличие в тексте двух миров обеспечивает образ канала – контаминации архетипов воды и волшебного пути-дороги. По Е. Неелову, отдельным компонентом пути-дороги является Большая дорога, функция которой состоит не в продвижении героя к цели, а в подготовке встречи, способной изменить путь [10, с. 97]. Жизненный путь Ганса и его семьи изменяют два принципиальных знакомства, происходящих в пределах водного пространства с 10-летним интервалом: встреча Раффа Бринкера и Лоуренса Букмана, передача Раффу серебряных часов; знакомство сына Раффа Ганса с доктором Букманом, ускоряющее реконструирование информации касательно первой встречи. Однако значение реки не ограничено ролью реализатора концептуально важных встреч. В сравнении с обычными реалиями голландского быта зеркальное пространство канала является так называемой «Голландией в миниатюре», идеальным миром, толерантное сосуществование в котором представителей разных слоев населения достигнуто единым общим признаком – умением кататься на коньках: «Not only pleasure-seekers and stately men of note were upon the canal. There were work-people (...), market-women (...), peddlers (...), bargemen; kind-eyed clergymen; (...) groups of children (...). *One and all wore skates*» [7, p. 44].

Понятие «серебряные коньки» становится, таким образом, локальным концептом, который при условии смысловой стабильности первого элемента формулы мог бы

дать точное представление о характере и месте инициации детей (спортивные состязания). Однако семантическое наполнение закодированного в первой части названия эпитета колеблется на протяжении дискурса от воплощения материального (серебряные гильдены) до идеального образа-мечты. Участие брата и сестры в соревнованиях предваряет трехкратное испытание мальчика серебром: впервые — когда Ганс отказывается от собственной мечты ради коньков для сестры; во второй раз — когда готов отдать все деньги для лечения отца, и наконец — когда, несмотря на сложное финансовое положение семьи, не принимает награды за возвращение конькобежцам потерянного ими кошелька. Каждый из этих примеров работает на утверждение единственной позиции — приоритета духовного над прагматическим, что, в контексте поведения миссис Бринкер (отказ в трудный период продать серебряные часы в связи с угрозой утраты доверия мужа; именно на этом этапе трактовка концепта «серебро» смещается в духовное измерение: серебро=доверие > серебро=деньги), выявляет семейную стратегию, имплицитно завершая испытание Ганса.

Внешние откровенно-сказочные результаты инициации мальчика очевидны: это выздоровление отца и внезапное обогащение семьи Бринкеров. Однако указанные последствия не объясняют ключевого противоречия: направленности дискурса к победе Гретель (королева льда) и одновременной денонсации этой победы заглавием текста. Поскольку поиски причин перенесения акцентов с девочки на мальчика логично приводят к анализу модели отношений их родителей, можно предположить, что момент выздоровления мистера Бринкера спровоцировал глубокие, скрытые трансформационные процессы, происходящие за пределами сугубо фольклорной плоскости. Тема многолетнего сна (психическая болезнь Раффа описана именно в терминах сна), внезапное пробуждение и адаптация к видоизмененной среде созвучны мотивам «Рипа ван Винкля»; имена персонажей М. Додж и В. Ирвинга (при условии изъятия из имени «Рип ван Винкль» маскировочного союза) являют собой пример акустического подобия (но не резонанса).

Анализ антропонимов известной новеллы «Книги эскизов» в контексте визуальной и устной культур становился предметом научного интереса Е. Горенко. Исследователь рассматривает связь первой части имени «Рип» с английской аббревиатурой «Rest in Peace» («Упокойся с миром» [11, с. 167]), а другую предлагает трактовать в качестве производной формы от глагола «winkle» — «выгонять», «вытеснять». «В таком случае содержание именной формулы можно проинтерпретировать как «Спи спокойно, изгнанник», поскольку кем же является умерший или спящий человек, если не изгнанником навсегда или на определенный промежуток времени из мира живых, из реальной жизни, из настоящего?» [11, с. 159–160] Портрет изгнанника, ведущего пограничное существование между бытием и смертью, мигмом и вечностью, дает контаминация семантики имени отца Ганса (англ. «raff» — «ничтожный» + корень фамилии «brink» — «край»), а также идеи холода, принципиальной для его болезненного состояния. Однако полного сближения образов не происходит. В имени «Рафф» отсутствует компонент «вечного сна», это доказывает противопоставление имен в пределах единого смыслового сегмента: «“It is probably like *Rip Donderdunck’s case*” (курсив наш. — М.В.), he exclaimed in a low, mumbling tone. (...) “Did the man live?” asked the assistant respectfully. Dr. Boekman scowled. “That is of no consequence. I believe he died”» [7, p. 261–262]. Упоминание неизвестного Рипа, который «засыпает навсегда» вследствие проблемы, тождественной Раффовой, составляет имплицитный контраст перспективе мистера Бринкера, так как, несмотря на внешнюю родственность, образы персонажей В. Ирвинга и М. Додж должны быть разведены на основании диаметрального противоречия — причины их «изгнания»: бегство от труда (Рип) — героический труд (Рафф). Если, вслед за С. Пригодием, рассматривать образ Рипа ван

Винкля как антитезу личности «Простака Ричарда (Б. Франклина) – доморощенного “философа”, труженика, чрезвычайно наивного во всем, что касается чувства, но достаточно сообразительного в сфере бизнеса» [12, с. 44], то Рафф Бринкер исполнит такую же антитетическую функцию касательно Рипа, утверждая, в том числе и посредством индивидуализации сына, идеал труда в будущих поколениях.

Для ориентированной на сохранение национальных приоритетов детской литературы полемика с руссоистским началом новеллы В. Ирвинга в интерпретации понятия «труд» нормативна; эпитет «работящий» является стабильной характеристикой «хороших детей», существенно влияя на формирование «своего» и «чужого» пространства, помимо прочего, и во внешней относительно текста реальности.

Но дискурс М. Додж тяготеет и к другой константе – патриархальному тандему социально активного мужчины и зависимой женщины; в пределах очерченной в произведении викторианской системы координат длительный недуг оказывается единственной серьезной причиной нарушения канона. Неестественность, болезненность главенствования женщины в семье постоянно подчеркивается самой миссис Бринкер путем реконструкции и наращивания прежних позитивных характеристик мужа, а также проекции их на момент речи: «Ah, children! he was so good and steady (...) and as wise as a lawyer. Even the burgomaster would stop to ask him a question; and now, alack! he doesn't know his wife and little ones. You remember the father, Hans, when he was himself, – a great brave man, – don't you?» [7, p. 41].

Правда, подчеркнуто прагматическая основа доктрины смирения миссис Бринкер («humble wife is husband's boss» [7, p. 297]), казалось бы, смягчает как идею маскулинного догмата в конкретном произведении, так и сущность феминистических призывов, становясь своеобразным послевоенным ответом на представленную в «Declaration of Sentiments» концепцию истории человечества (многовековое угнетение женщин мужчинами) [13].

Следует отметить, однако, что идея «смирения как власти» озвучивается женой после 10-летнего пребывания ее мужа в фазе пассивности, незащищенности, неразумности, иначе говоря, в состоянии, приближенном к детскому: «he had not as much intelligence as a little child» [7, p. 41]. Отношения «муж–жена» при таких условиях трансформируются в отношения «мать–ребенок», при этом мать жертвенная, склонная к всепрощению, которая, «словно Иисус, считает своих детей одинаково значимыми, независимо от их материального или физического состояния» [14, p. 561]. Анализируя роль физически неполноценных персонажей в произведениях Г. Бичер-Стоу, Р. Томпсон (R.G. Thomson) отслеживает связь развития индивидуализации женщины с любовью к больному и слабому существу: «Защита ребенка (...) превращает мать из пассивной пешки в руках рабовладельца в самоуверенную и волевою личность, способную существенно изменить свою жизнь» [14, p. 562]. Эта личность, внешне напоминая эмерсоновский идеал индивидуалиста, кардинально отличается от него в том, что всегда требует присутствия зависимого объекта для самореализации [14, p. 562]. Таким образом, власть женщины действительно может быть основой супружеских отношений, но эта власть не перманентна, ограничена чаще всего периодом уязвимости мужа, что и доказывает начало процесса «замалчивания» матери Ганса и Гретель после выздоровления мистера Бринкера. Безусловно, появление номинации «хозяин» в речи жены при постепенном наращивании количества реплик, подобных «tut, vrouw» [7, p. 337] / «“hist, vrouw!” said Raff sharply» [7, p. 339], может быть наглядным проявлением ранее изложенной концепции женской покорности, однако в контексте понимания женщиной реального положения вещей («...you're going to treat me this way... just as every woman in the world is treated after she's stood by a man

through the worst» [7, p. 324]), трижды повторенное отождествление смирения и власти выглядит очередной демонстрацией мифа «добровольный пленник».

Такая модель семейных отношений спроецирована и на детей, прежде всего девочку, чья внешность и предпочтения поданы по контрасту с внешностью и предпочтениями мальчика в сугубо викторианской системе представлений о воспитательных приоритетах (сфера интересов сестры — пение, шитье, домашнее хозяйство, а брата — книжки и учеба). Но те же патриархальные нормы вызывают у Гретель ряд болезненных рефлексий вследствие беспокойства относительно чрезмерного сближения с матерью и боязни отца: «Gretel looked at her [mother] in troubled silence, wondering whether *it were very wicked* (курсив наш. — *M.B.*) to care more for one parent than for the other, and sure, yes, quite sure, that she dreaded her father, while she clung to her mother with a love that was almost idolatry» [7, p. 134]. Гретель считает себя «плохой», поскольку, лишенная еще материнского инстинкта, рассматривает отца не только как объект заботы близких, но и как человека, способного причинить матери боль. Семейный очаг — сердцевина патриархального бытия, «идеологический центр ранней республики [15, p. 497]» — через мотив «мужа, толкающего свою жену в огонь», начинает имплицировать опасность. Хотя известна мифологическая омолаживающая сила пламени, В. Проппом подчеркивается также его губительное влияние на женщин (сравнительно с мужчинами — постоянными участниками огненных испытаний) [9, с. 101]. В мировоззренческой системе Гретель образ отца приобретает статус источника неконтролируемой угрозы, и, учитывая, что, согласно наблюдениям современных психологов, именно отец должен содействовать ослаблению симбиотических отношений «мать—ребенок», поддерживать детскую самобытность и определять позицию дочери или сына «в мире как относительно независимого субъекта» [16, с. 56], — полуосознанное неприятие девочкой взрослой маскулинности может помешать дальнейшему «вписыванию» Гретель в контекст патриархального существования.

Реальность именно такого развития событий акцентирована моментом изменения отношения девочки к отцу: когда, осознав роль близких в борьбе со своей болезнью, Рафф смотрит на жену со слезами на глазах, Гретель бросается в объятия мистеру Бринкеру, фактически воспроизводя действия маленькой Перл («Алая буква» Н. Готорна) в аналогичной ситуации. Подобно тому, как в упомянутом уже рассказе «Рай детей» эпизод «слезы на глазах Беллерофонта» является индикатором победы героя над Химерой и... Пегасом (опыт совместной борьбы и страдания способствует окончательному подчинению волшебного существа своему поработителю), слезы Раффа также символизируют двойную победу: не только над болезнью, но и над ненормативностью псевдопатриархального семейного уклада. Одновременно эти слезы — показатель успешного окончания миссии Ганса, которая, как становится понятным на этом этапе, заключается и в корегировании мировоззренческой модели сестры.

После выздоровления отца портрет девочки, изображенный самим мистером Бринкером, выглядит так: «a music-box that fifty pouchful would not buy from me (...) And it's set going by the turn of a mop-handle; and it slips and glides around the room everywhere in a flash, carrying the music about, till you'd swear the birds were back again» [7, p. 332]. В этом определении привлекает внимание сразу несколько аспектов: во-первых, попытка измерения человека серебром (отголосок мифа «добровольный пленник»); во-вторых, метафора «bird» предполагает широкий (в том числе внелитературный) контекст для рассмотрения образа девочки; в-третьих, представленная наречием «in a flash» идея скорости входит также в состав смыслового поля концепта «серебряные коньки». От добропорядочной девочки ожидают умения исполнять домашнюю работу быстро, «как птичка», «till you'd swear the birds were back again», и такой же «птичкой» она скоро будет мчать ледовым трактом, демонстрируя навыки, не столько отли-

чающие ее от других детей, сколько способствующие социализации в специфических условиях голландского быта.

Таким образом, спортивные состязания можно рассмотреть как локальный голландский вариант концепта «emulation» – соперничества ради совершенной имитации, культивированного Филадельфийской академией юных леди [7, p. 499], – тогда победа девочки и получение ею награды будут логическим продолжением ее патриархального выбора.

Однако состязания являются также важным атрибутом волшебной сказки, который обычно предрекает победу не просто самому ловкому герою, но герою, наделенному наиболее высокими духовными качествами [9, с. 319; 10, с. 35]. Такая трактовка укрепляет патриархальный статус Гретель (будущая мать-берегиня), придавая фольклорный оттенок конфронтации других конькобежцев: Питера и Ганса, с одной стороны, и Карла – с другой. До победы Питера над дерзким Карлом (традиционный триумф добра) признаки соперничества между первыми двумя мальчиками отсутствуют: нарратором подчеркнуты равные шансы обоих детей вследствие идентичности их моральных качеств («Hans and Peter, Peter and Hans: which is foremost? We love them both. We scarcely care which is the fleetest» [7, p. 354]). Но уступка Ганса другу, отказ мальчика продолжать участие в соревнованиях смещает «баланс совершенства». Поскольку отныне именно Ганс является тем, кто больше *заслуживает* награды, презентация серебряных коньков другому претенденту выглядит отклонением от фольклорной линии.

И тут все выразительнее начинает звучать мотив «уступки–победы», инициированный Гретель в начале текста: «Believing that discretion was the better part of valor, she turned suddenly, and skated into her pursuer's arms. "Ha, ha! I've caught you!" cried Hans. "Ha, ha! I caught *you*", she retorted, struggling to free herself» [7, p. 26–27]. В кульминационном эпизоде повести позиции мальчика и девочки меняются местами. Ганс, уступив другу, оставляет за собой широкий спектр еще не реализованных возможностей. Иначе говоря, поступком мальчика запущен процесс его дальнейшей индивидуализации (профессия врача), тогда как Гретель с момента максимального раскрытия ее карьерного потенциала и получения титула королевы будет исполнять относительно брата лишь фоновую миссию: «...for dear Hans' sake she will study now. If he really is to be a *meester*, his sister must not shame his greatness» [7, p. 376]. Впрочем, выбор позитивно окрашенных эмоционально-экспрессивных прилагательных высшей степени сравнения («the loveliest woman»/ «the dearest sister»/ «the brightest, sweetest little wife» [7, p. 379]) для обозначения стабильности будущего психологического настроения Гретель свидетельствует о понимании и ей самой, и ее окружением четкого разграничения мужских и женских сфер бытия в качестве единственно приемлемого.

Так дискурс М. Додж, развернутый на перекрестке фольклорного и литературного векторов, представляет посредством детских образов сведенный к компоненту «счастливый брак» вариант мифа «добровольный пленник». Показ в одном предложении уже реализованной для Гретель идеи свободного полета птицы («like a bird, she has flown over the ice» [7, p. 355]) и птицы смиренной, покорной («like a bird, she looks about her in a *timid, startled* way. She longs to dart to the sheltered nook where her father and mother stand» [7, p. 355]) символизирует продолжение детской литературой США запущенной в довоенные годы тенденции.

Истоки социального мифа неоднозначно оцениваются учеными. Российский философ А. Мальцева указывает на связь мифологизированного сознания с феноменом ответственности граждан: ответственность «требует *доверия* правилам, способности максимально отчетливо *вообразить* последствия поступков, воспринимать себя *неотъемлемой частью* общества», что обеспечивается, по мнению ученого, прежде

*Мифогенность образа ребенка в контексте концептуальной оппозиции «свой—чужой»
(на материале повести М. Додж «Ганс Бринкер, или Серебряные коньки») 165*

всего синкретическим мышлением [17, с. 71]. Однако в пределах американских реалий середины XIX века, несмотря на акцентированную Н. Готорном угрозу национальной дезинтеграции, процесс разрушения мифа, в том числе и путем дальнейшей разработки образов «новых детей», был неминуем.

Библиографический список

1. Эстетика американского романтизма / под ред. М. Ф. Овсянникова. М.: Искусство, 1977. 464 с.
2. Михед Т. В. Пуританська традиція і література американського ренесансу: 1830 – 1860: монографія / Михед Т. В. К.: Знання України, 2006. 342 с.
3. Ginsberg L. «The Willing Captive»: Narrative Seduction and the Ideology of Love in Hawthorne's «A Wonder Book for Girls and Boys» // *American Literature*. 1993. Vol. 65. № 2. P. 255–273.
4. Sofer N.Z. «Carrying a Yankee Girl to Glory»: Redefining Female Authorship in the Postbellum United States // *American Literature*. 2003. Vol. 75. № 1. P. 31–60.
5. Osgood S. Books for Our Children // *Atlantic Monthly*. 1865. № 16. P. 724–735.
6. Литературная история Соединенных Штатов Америки: в 3 т. / под ред. Р. Спиллера [и др.]. Кн. II. М.: Прогресс, 1978. 526 с.
7. Dodge M. Hans Brinker, or The Silver Skates / Mary (Mapes) Dodge. N.Y.: Scribner, Armstrong, and Company, 1876. 379 p.
8. Братья Гримм. Сказки / пер. с нем. Г. Петникова. М.: Правда, 1987. 480 с.
9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 366 с.
10. Неелов Е. М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 200 с.
11. Горенко О. Анторпономічний вимір американського романтизму: [монографія]. Киев: ТОВ «Пан Тот», 2008. 312 с.
12. Пригодій С.М., Горенко О.П. Американський романтизм. Полікритика: Навч. посібник. Киев: Либідь, 2006. 480 с.
13. Stanton E.C., Mott L. The Declaration of Sentiments // *History of Women Suffrage*. Rochester; N.Y.: Fowler and Wells, 1889. Vol. 1. P. 70–71.
14. Thomson R.M. Renevolent Maternalism and Physically Disabled Figures: Dilemmas of Female Embodiment in Stowe, Davis, and Phelps // *American Literature*. 1996. Vol. 68. № 3. P. 555–586.
15. Howell W.H. Spirits of Emulation: Readers, Samplers and the Republican Girl, 1787–1810 // *American Literature*. 2009. Vol. 81. № 3. P. 497–526.
16. Харламенкова Н.Е. Роль отца в дифференциации гендерной идентичности // *Психологический журнал*. № 3. Т. 28. М., 2007. С. 56–64.
17. Мальцева А.П. Мифологическое сознание как основание и условие ответственности // *Человек*. 2009. № 4. С. 71–81.

References

1. Aesthetics of American Romanticism / ed. by M.F. Ovsyannikov. M.: Iskusstvo, 1997. 464 p.
2. Mikhed T.V. Puritan tradition and literature of American Renaissance: 1830–1860: monography. Kyiv: Znaniya Ukrainy, 2006. 342 p.
3. Ginsberg L. «The Willing Captive»: Narrative Seduction and the Ideology of Love in Hawthorne's «A Wonder Book for Girls and Boys» // *American Literature*. 1993. Vol. 65. № 2. P. 255–273.
4. Sofer N.Z. «Carrying a Yankee Girl to Glory»: Redefining Female Authorship in the Postbellum United States // *American Literature*. 2003. Vol.75. № 1. P. 31–60.
5. Osgood S. Books for Our Children // *Atlantic Monthly*. 1865. № 16. P. 724–735.
6. Literary history of the United States of America: in 3 vol. / ed. by R. Spiller [et al.]. Vol. II. M.: Progress, 1978. 526 p.

7. Dodge M. Hans Brinker, or The Silver Skates. N.Y.: Scribner, Armstrong, and Company, 1876. 379 p.
8. The Brothers Grimm. Tales / trans. from German by G. Petnikov. M.: Pravda, 1987. 480 p.
9. Propp V.Ya. Historical roots of magic fairy-tale. L.: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1986. 366 p.
10. Neelov E.M. Magic and fantastic roots of science fiction. L.: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1986. 200 p.
11. Gorenko O. Anthroponimic world of American romanticism: monography. Kyiv: TOV «Pan Tot», 2008. 312 p.
12. Prigody S.M., O.P. Gorenko American romanticism. Policriticism: Scientific textbook. Kyiv: Libid', 2006. 480 p.
13. Stanton E.C., Mott L. The Declaration of Sentiments // History of Women Suffrage. Rochester; N.Y.: Fowler and Wells, 1889. Vol. 1. P. 70–71.
14. Thomson R.M. Renevolent Maternalism and Physically Disabled Figures: Dilemmas of Female Embodiment in Stowe, Davis, and Phelps // American Literature. 1996. Vol. 68. № 3. P. 555–586.
15. Howell W.H. Spirits of Emulation: Readers, Samplers and the Republican Girl, 1787–1810 // American Literature. 2009. Vol. 81. № 3. P. 497–526.
16. Kharlamenkova N.E. The role of father in differentiation of gender identity // Psihologichesky zhurnal. № 3. Vol. 28. M., 2007. P. 56–64.
17. Mal'tseva A.P. Mythological conscience as a basis and conditions of responsibility // Chelovek. 2009. № 4. P. 71–81.

*M.V. Volodarskaya**

**MYTHOGENESIS OF AN IMAGE OF A CHILD IN THE CONTEXT
OF CONCEPTUAL OPPOSITION «FRIEND OR FOE» (BASED ON THE NOVEL
BY M. M. DODGE «HANS BRINKER OR THE SILVER SKATES»)**

The article deals with the peculiarities of exploitation of a child's image by an American literature for children of the middle of XIX century as a means of mythologization of public conscience. Post-bellum reconsideration of the antithesis «friend or foe» promoted the reduction of predeveloped by N. Hawthorne's myth «voluntary captive» to the component «successful marriage» which is proved by the existence in the novel by M. Dodge «The Silver Skates» of the resonance between the fates of the girl and a caged bird.

Key words: M.M. Dodge, folklore, myth, opposition «friend or foe», fairy-tale, child, concept.

* *Volodarskaya Margarita Vladimirovna* (rita1113@mail.ru), the Dept. of Foreign Literature, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, 01601, Ukraine.